
ПСИХОЛИНГВИСТИКА, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

PSYCHOLINGUISTICS, PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 7–16.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):7-16.

Научная статья

УДК 81-11+81-13

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-7-16

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б. Л. УОРФА И А. ВЕЖБИЦКОЙ

Хэ Яньян

Хэйлуунцзянский университет, Харбин, Китай, 2022005@hlju.edu.cn, ORCID: 0009-0000-1071-8874

Аннотация. Вопрос взаимосвязи языка и мышления породил два метода исследования: лингвистическую относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ. Однако в научной литературе нередко наблюдается их смешение. Актуальность исследования заключается в необходимости чёткого разграничения данных методов и доказательства их принципиальных различий. На примере концепций Бенджамина Ли Уорфа (основоположника гипотезы лингвистической относительности) и Анны Вежбицкой (представителя сравнительного лингвокультурологического анализа) проведён сопоставительный анализ их теоретических и методологических контрастов. Это позволило выявить, как каждый метод объясняет взаимосвязь языка и мышления и какие методы используются в соответствующих исследованиях. Новизна работы состоит в трёх аспектах: 1) системное разграничение постулатов лингвистической относительности и сравнительного лингвокультурологического анализа; 2) выявление ключевых различий между методами на конкретных примерах; 3) определение языковых универсалий, подходящих для подтверждения влияния языка на мышление в рамках гипотезы лингвистической относительности. Результаты показали, что оба метода разделяют базовый тезис о неразрывной связи языка и концептуального мышления: без языка человеческое мышление не может существовать как концептуальное явление. Однако между ними существуют принципиальные различия в понимании роли культуры. Лингвистическая относительность сосредотачивается на грамматических конструкциях и языковых шаблонах, демонстрируя их влияние на мировоззрение и когнитивные процессы. В свою очередь, сравнительный лингвокультурологический анализ подчёркивает влияние языка на мышление через специфику лексики и семантики, характерных для отдельных лингвокультурных групп. Лингвистическая относительность утверждает, что необходимо изучать влияние языка как универсальной системы (language) на мышление, а не влияние конкретного языка (a language) на определённое мышление или отдельных языков (languages) на отдельные формы мышления. Сравнительный лингвокультурологический анализ, напротив, обращает внимание на культурно-специфические языковые факты. Причина таких различий заключается в том, что лингвистическая относительность — это философская концепция, использующая языковые факты для доказательства влияния языка на мышление, тогда как сравнительный лингвокультурологический анализ представляет собой метод исследования языка, направленный на выявление его культурного и лингвистического разнообразия.

Ключевые слова: лингвистическая относительность, сравнительный лингвокультурологический анализ, Анна Вежбицкая, Бенджамин Уорф, семантический примитив

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта Фонда философии и социальных наук провинции Хэйлуунцзян (КНР) «Исследование метаязыка русско-англо-китайской экстренной коммуникации для глобальных общественных чрезвычайных ситуаций» (кит. 面向全球突发公共事件的俄英汉应急交际元语言研究) (22YUC338).

Для цитирования: Хэ Яньян. Лингвистическая относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ: методологические противоречия в исследованиях Б. Л. Уорфа и А. Вежбицкой // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 7–16. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-7-16.

Original article

LINGUISTIC RELATIVITY AND COMPARATIVE LINGUOCULTURAL ANALYSIS: METHODOLOGICAL DIFFERENCES IN THE RESEARCH OF B. L. WHORF AND A. WIERZBICKA

He Yangyang

Heilongjiang University, Harbin, China, 2022005@hlju.edu.cn, ORCID: 0009-0000-1071-8874

Abstract. The question of the relationship between language and thought has given rise to two approaches: linguistic relativity and comparative linguocultural analysis. However, in the scientific literature these methods are often conflated. The relevance of this study lies in the necessity of clearly distinguishing between the two and demonstrating their fundamental differences. Using the concepts of Benjamin Lee Whorf (the founder of the hypothesis of linguistic relativity) and Anna Wierzbicka (a proponent of comparative linguocultural analysis) as examples, a comparative analysis of their theoretical and methodological contrasts has been conducted. This analysis reveals how each approach explains the interrelation between language and thought and which methods are employed in the respective studies. The novelty of the work consists of three aspects: 1) the systematic differentiation of the postulates of linguistic relativity and comparative linguocultural analysis; 2) the identification of key differences between the methods through concrete examples; 3) the determination of linguistic universals that can be used to substantiate the influence of language on thought within the framework of the linguistic relativity hypothesis. The results indicate that both approaches share the basic thesis of an inseparable connection between language and conceptual thought—that human thought cannot exist as a conceptual phenomenon without language. However, they diverge fundamentally in their understanding of the role of culture. Linguistic relativity focuses on grammatical constructions and language patterns, demonstrating their influence on worldview and cognitive processes, while comparative linguocultural analysis emphasizes the influence of language on thought through the specificity of vocabulary and semantics characteristic of particular linguocultural groups. Linguistic relativity posits that one must study the influence of language as a universal system on thought rather than the influence of a specific language on a particular mode of thought or of individual languages on specific forms of thought. In contrast, comparative linguocultural analysis draws attention to culturally specific linguistic facts. The reason for these differences is that linguistic relativity is a philosophical concept that employs linguistic facts to demonstrate the influence of language on thought, whereas comparative linguocultural analysis is a method of language research aimed at uncovering its cultural and linguistic diversity.

Keywords: linguistic relativity, comparative linguistic and cultural analysis, Anna Wierzbicka, Benjamin Whorf, semantic primes

Funding: This research is supported by the project of the Social Science Foundation of Heilongjiang Province of China: Research of the Russian-English-Chinese Emergency Communication Metalanguage for Global Public Emergencies (project number: 22YYC338).

For citation: He Yangyang. Linguistic Relativity and Comparative Linguocultural Analysis: Methodological Differences in the Research of B. L. Whorf and A. Wierzbicka. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):7-16. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-7-16.

Введение

Взаимосвязь между мышлением и языком является вечной темой дискуссий в философии, психологии и лингвистике. В истории сложились три основные точки зрения на эту проблему.

Первая точка зрения утверждает, что мышление не связано с языком, и они функционируют независимо друг от друга. Среди учёных, поддерживающих эту точку зрения, выделяется Стивен Пинкер (Steven Pinker), который считает, что язык — это инстинкт человека. «Язык не является продуктом культуры в большей степени, чем прямохождение» [10, с. 18]. Кроме того, «как только вы начинаете рассматривать язык не как невыразимую сущность человеческой уникальности, а

как биологическую адаптацию для передачи информации, его влияние на мышление перестаёт казаться таким заманчивым» [10, с. 19]. Пинкер предложил термин «язык мышления» (language of thought) и утверждает, что люди думают именно на этом языке, а не на английском, китайском или других естественных языках. Можно сказать, что Пинкер опровергает влияние языка и культуры на мышление. Инстинкт языка и универсальность языка мышления заставляют его отвергать язык как важный фактор в формировании мыслительных процессов. Последние исследования также поддерживают эту точку зрения. Например, Fedorenko E., Piantadosi S.T. & Gibson E.A.F. подчёркивают, что «для современных людей язык

является инструментом для общения, что противоречит распространённому мнению о том, что мы используем язык для мышления» [6, с. 575].

Вторая точка зрения заключается в том, что мышление частично связано с языком, только определённая его часть (то есть языковое мышление) зависит от языка. Однако существуют и другие типы мышления, которые независимы от языка. Советский лингвист Б. А. Серебренников утверждает, что существуют разные типы мышления, включая словесное мышление, невербальные формы мышления (образное, практическое мышление), редуцированное мышление и т. д. [4, с. 188]. Таким образом, он признаёт существование как мышления, на которое влияет язык, так и мышления, на которое язык не оказывает влияния. В модели порождения речи, предложенной Е. С. Кубряковой, мышление разделяется на мысли «в невербальном виде», «в вербальном виде» и «в смешанном виде» [2, с. 60], что показывает, что она также поддерживает такую компромиссную точку зрения.

Третья точка зрения заключается в том, что мышление определяется языком и формируется исключительно через него, без языка невозможно полноценное мышление. Эта идея находит своё выражение в работах Бенджамина Ли Уорфа (1897–1941), который известен своей гипотезой «лингвистической относительности», также называемой гипотезой Сепира-Уорфа. В рамках этой гипотезы со временем возникло важное направление исследования, называемое «сравнительным лингвокультурологическим анализом». Представителем этого направления является польско-австралийский лингвист Анна Вежбицкая, основательница школы естественно-семантического метаязыка (*Natural Semantic Metalanguage, NSM*), которая на сегодняшний день считается одной из самых влиятельных в данной области.

Что касается взаимосвязи «лингвистической относительности» и «сравнительного лингвокультурологического анализа», многие учёные полагают, что лингвистическая относительность служит предпосылкой для сравнительного лингвокультурологического анализа. Это справедливо, поскольку теоретическая база обеих концепций относительно взаимосвязи языка и мышления во многом совпадает: они признают неразрывность языка и мышления, утверждая, что полноценное мышление невозможно без языка. Однако в демонстрации влияния языка на мышление метод, основанный на лингвистической относительности, существенно отли-

чается от метода сравнительного лингвокультурологического анализа.

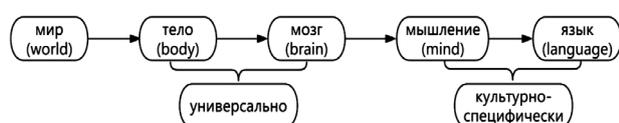
Разные цели исследования определяют выбор различных методов для изучения взаимосвязи языка и мышления. Лингвистическая относительность представляет собой форму лингвистической философии, сосредоточенную на том, каким образом и почему мышление формируется посредством языка, при этом языковые факты рассматриваются лишь как иллюстрация этой идеи. В то же время сравнительный лингвокультурологический анализ, опираясь на ту же философскую позицию, направлен на раскрытие богатства и разнообразия языков и культур, превращая языковые факты в конечный объект анализа. Однако в академической практике эти два метода часто переплетаются. Детальный анализ позволяет выявить существенные различия между лингвистической относительностью и сравнительным лингвокультурологическим анализом, что способствует более глубокому пониманию их представлений о взаимосвязи языка, мышления и культуры.

Противопоставление языкового детерминизма и культурной диалектики

Гипотеза лингвистической относительности утверждает: «Мы нарезаем природу на кусочки, организуем её в терминах концептов и наделяем эти концепты различными значениями. Эта нарезка и организация в значительной степени зависят от договора, то есть всё языковое сообщество, частью которого мы являемся, соглашается организовать природу таким образом и закодировать, и зафиксировать это в наших языковых шаблонах» [11, с. 213]. Этот отрывок также наводит на мысль о том, что язык навязывает своим пользователям набор правил для разделения реального мира, который является результатом соглашения, достигнутого языковым сообществом, и носит принудительный характер. Разумеется, это принуждение не закреплено в явной форме, оно имплицитно, и пользователи языка невольно подчиняются ему, даже не подозревая о его существовании. Именно таким образом язык формирует наше понимание мира, определяя границы того, что мы считаем возможным и допустимым. Эта скрытая сила языка влияет на наше мышление, создавая рамки, внутри которых развивается наше понимание действительности. Уорф не разделяет язык и мышление, полагая, что без языка мышление невозможно. Для него различия в языке непосредственно отражают различия в мышлении, между которыми отсутствует принципиальное различие.

Что касается культуры, то, как мы можем видеть, Уорф редко упоминал её. Это также отмечает С. Goddard [7, с. 412]. В основном он обсуждает взаимосвязь языка и мышления, а также разные языки и разные формы мышления, не оставляя пространства для культуры.

Вежбицкая принимает основную концепцию Уорфа и в рамках этой концепции развивает свою собственную. Общую концепцию Вежбицкой к взаимосвязи языка, мышления и культуры можно изложить следующим образом: все люди сталкиваются с одним и тем же физическим миром (*world*), получают информацию из него через органы чувств (*body*) и обрабатывают её с помощью мозга (*brain*). Эта обработанная информация формируется в сознании (*mind*), а затем выражается в языке. Процессы восприятия и обработки информации являются биологическими характеристиками, которые свойственны всему человечеству и универсальны для всех культур. Однако культурные различия влияют на характер мышления, что, в свою очередь, проявляется в лексике и грамматике различных языков. Этот процесс можно представить графически следующим образом:

Такое понимание отношения между миром, мышлением и языком является типичным и широко распространённым. Ниже приводится подробное объяснение этого процесса с ссылками на соответствующие упоминания в трудах Вежбицкой.

Человек живет в физическом мире: мы видим, слышим, обоняем и осязаем физический мир через глаза, уши, нос и руки соответственно. Органы тела являются связующим звеном между физическим миром и мозгом, так Lakoff & Johnson (1999) предлагают использовать понятие «воплощение» (*embodiment*) [9], подчеркивающее важность тела при формировании мышления. Органы чувств человеческого тела (глаза, уши, нос и руки), в свою очередь, напрямую связаны с мозгом. Информация, полученная этими органами чувств, поступает в мозг, где обрабатывается. По словам Вежбицкой, мозг является таким же биологическим устройством, как и органы чувств, а потому обработка информации мозгом универсальна. «Именно наш мозг, а не наш разум, формируется универсальной человеческой биологией» [13, с. 103]. То есть, Вежбицкая считает,

что культура не влияет на обработку информации мозгом.

Здесь необходимо уточнить, как определяется термин «культура» в сравнительном культурологическом анализе. В самом общем смысле культура обозначает «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [3, с. 479]. Однако в культурологии культура включает материальные и духовные ценности, выраженные в языковых знаках. Цель лингвокультурологии заключается в том, чтобы рассмотреть реальность определённого народа, которая отражается в языке. Это подтверждается исследованиями Анны Вежбицкой. Она ввела термин «культурный сценарий», который обозначает образ поведения, принятый в каком-либо языковом сообществе. Например, она считает, что важным культурным сценарием для России является «говорить правду» [15, с. 408], то есть русские предпочитают прямо выражать свои мысли при общении с другими. В то время как для англосаксов прямое выражение правды иногда может восприниматься как невежливость, и в случае необходимости они могут предпочесть «говорить невинную ложь» (*tell a white lie*). На наш взгляд, в данном контексте «культура» представляет собой определённые правила поведения, связанные с реальностью и историей народа.

Как было сказано ранее, мозг человека напрямую связан с мышлением, и именно «мышление» подвергается влиянию культуры. Информация концептуализируется в сознании, и на этот процесс концептуализации влияет конкретная культура. По словам Анны Вежбицкой, «наше мышление отчасти формируется нашей конкретной культурой» [13, с. 103]. Мы можем сделать вывод, что, по её мнению, разные культуры формируют различные модели мышления, которые, в свою очередь, отражаются в языковых знаках. Когда люди используют свой язык, они воспринимают модели мышления, присущие этому языку.

А что составляет содержание мышления? В представлении Вежбицкой, это концепты. Кстати, она определяет значение слов следующим образом: «Значение слов — это идеи, которые пользователь использует для их обозначения» [12, с. 7]. Здесь «идеи» можно рассматривать как «концепты». Таким образом, концепты функционируют как посредники между мышлением и языком. Концепты являются единицами как мышления, так и языковой системы. В качестве единиц мышления самым простым и универсальным

концептом являются семантические примитивы (*semantic primes*), а как единицы языковой системы семантические примитивы имеют чрезвычайно простые значения, не поддающиеся дальнейшему расщеплению; они существуют во всех языках мира.

В общем, Вежбицкая настаивает на сочетании универсальности и специфичности в механизмах мышления, то есть признает, что какая-то часть человеческого мышления является общей для всех людей, в то время как другие части подвержены культурному влиянию. Вежбицкая утверждает, что биологические характеристики человека определяют универсальность мышления, в то время как его социальные или культурные характеристики определяют его специфику. Способность различных человеческих этносов понимать друг друга и беспрепятственно общаться с помощью языка указывает на то, что определённые концепты универсально присутствуют в человеческом мышлении. Соответственно, она признает как существование культурно незатронутых универсальных смысловых или концептуальных компонентов языка, так и существование гораздо большего числа смысловых компонентов с культурной спецификой. Она предприняла попытку ответить на следующий вопрос: «В какой мере язык формируется «человеческой природой» и в какой степени на него влияет культура?» [14, с. 7].

Семантические примитивы являются универсальными элементами, присутствующими в концептуальных системах людей, а их проявления можно найти в различных языках. Эти примитивы представляют собой минимальные единицы как концептов, так и языковых значений. Более сложные концепты и значения возникают в результате комбинации этих семантических примитивов. Для того чтобы исследовать более сложные, специфичные для определённой культуры концепты, необходимо разложить их на составляющие семантические примитивы. Следует учитывать, что культурные различия отражаются в различных способах концептуализации, а разные способы концептуализации означают разные способы соединения семантических примитивов. Поэтому она объяснила многие культурно специфические концепты через семантические примитивы, что позволяет людям лучше понимать различия между ними.

В заключение, Уорф и Вежбицкая разделяют базовый тезис о неразрывной связи языка и мышления, утверждая, что язык формирует ког-

нитивные процессы. Однако их подходы демонстрируют принципиальные различия в понимании роли культуры. Уорф подчеркивает, что язык навязывает своим носителям скрытые правила восприятия реальности, которые определяют границы мышления. При этом культура в его концепции остаётся на периферии, уступая место прямому влиянию языка на мышление. В отличие от этого, Вежбицкая развивает более сложную модель, в которой универсальные биологические механизмы обработки информации (мозг) сочетаются с культурно обусловленными способами концептуализации (мышление). Она подчеркивает, что культура опосредует связь между языком и мышлением, формируя специфические модели восприятия и выражения. Таким образом, если Уорф акцентирует языковой детерминизм, то Вежбицкая предлагает диалектику универсального и культурно-специфического в когнитивных процессах, что делает её подход более комплексным и учитывающим многообразие культурных контекстов.

Противопоставление грамматического и лексического приоритета

Как мы уже говорили, Вежбицкая рассматривает различия в мышлении как основу для анализа различий языков, тогда как Уорф, напротив, опирается на языковые факты, чтобы объяснить различия в мышлении. Разные цели определяют их различные методологии по исследованию взаимосвязи языка и мышления. Их различия в методологии можно обобщить как диалектику грамматики и лексики.

Уорф предпочитает доказывать влияние языка на мышление через грамматические структуры, поскольку они более глубокие и стабильные, чем отдельные слова. «Каждый язык по-своему осуществляет это искусственное разбиение непрерывного потока существования. Слова и речь — это не одно и то же. Как мы увидим, шаблоны предложений, которые направляют слова, важнее самих слов» [11, с. 253]. Здесь шаблоны предложений в основном подразумевают грамматические структуры. Поскольку шаблоны предложений скрыты и неосознаваемы, люди не могут осознать их существование без специальных размышлений. Как показывает пример Уорфа, фразы: «Я держу это» (*I hold it*), «Я ударяю это» (*I strike it*) и «Я рву это» (*I tear it*) имеют очень похожие грамматические структуры. Люди привычно воспринимают «держать» (*hold*) как действие, потому что «ударять» (*strike*) и «рвать» (*tear*) обозначают действия. На самом деле, «держать» (*hold*)

обозначает не действие, а состояние. «Мы приписываем действие тому, что мы называем “держать”, потому что формула “существительное + глагол = субъект + его действие” является основополагающей в наших предложениях» [11, с. 262].

Как показывает Уорф, «мы все, не осознавая этого, проецируем языковые отношения конкретного языка на вселенную» [11, с. 262]. Здесь языковые отношения в основном обозначают грамматические отношения. Люди нередко обманываются грамматическими отношениями, ошибочно принимая их за отношения в действительности, как показывает пример «Я держу это» (*I hold it*). По сравнению со словами, грамматические отношения (структуры) более скрыты и не так легко заметны простым людям. Поэтому людям сложнее осознать, что мир, который они видят, принципиально отличается от мира, воспринимаемого другими людьми, говорящими на других языках. Если человек не выйдет за рамки своего родного языка, он, возможно, никогда не заметит таких различий.

Вежбицкая предпочитает доказывать, что в различных языках формируются разные образы мышления, опираясь на семантические факты (особенно лексико-семантические факты). Мы можем привести пример слов, обозначающих цвета, чтобы объяснить различия между сравнительным лингвокультурологическим анализом и лингвистической относительностью. Когда Вежбицкая исследует слова, обозначающие цвета, она акцентирует внимание на различных значениях этих слов в разных языках. Например, она утверждает, что слово «цвет» (*colour*) не является универсальным для всех языков мира, и поэтому не согласна с теорией Берлина и Кея, которая предполагала такие выводы, как: «во всех языках есть термины для понятий “белый” и “чёрный”», «если в языке есть три базовых цветообозначения, то третьим обязательно будет термин для понятия “красный”». По её мнению, в языке Warlpiri (одном из австралийских аборигенных языков) отсутствует слово, соответствующее английскому слову «цвет» (*colour*). Однако в Warlpiri есть такие слова, как *yalyu-yalyu* (буквально «кровь-кровь»), *yukuri-yukuri* (буквально «травя-травя») и *kunjuru-kunjuru* (буквально «дым-дым»). В этом языке нельзя задать вопрос «Какого это цвета?», вместо этого предпочитают спрашивать «Как это выглядит, когда люди видят его?», потому что в языке Warlpiri есть слово «see» (по теории Вежбицкой, «see» — это семантический примитив), которое тесно связано с обозначением цвета.

Вежбицкая предполагает, что в языке Warlpiri существует визуальная семантика, отличная от цветовой семантики в языках, где существует слово «цвет». Поэтому, с точки зрения Warlpiri, значение *kunjuru-kunjuru* можно интерпретировать так:

- a. Когда люди видят это, они могут воспринимать это таким образом:
- b. Это похоже на *kunjuru* [дым].
- c. Когда люди видят *kunjuru* где-то, они видят нечто подобное [16, с. 410].

Можно заметить, что акцент Вежбицкой заключается в выявлении различных языковых фактов в разных языках. С точки зрения лингвистической относительности акцент иной: язык влияет на то, как люди в самом широком смысле воспринимают цвет. Как отметил Цзян Гоухэй, «Красный цвет существует только в языке, в физическом мире человек не может его видеть» [18, с. 341]. В действительности мы видим лишь объекты разного цвета: красное яблоко, зелёную траву, синее небо и т. д. Более того, цвет — это также обозначение класса. В спектре света существуют мельчайшие оттенки, и ни в одном языке нет возможности дать каждому оттенку отдельное название. Красный цвет в нашем сознании объединяет множество разных нюансов, но когда люди видят эти оттенки, они воспринимают их все как красные. Это происходит потому, что язык направляет наше восприятие. Физический мир, который мы видим, — это не просто физическая реальность, а мир, созданный и структурированный языком.

Из примера слов, обозначающих цвета, мы также замечаем, что для Вежбицкой наличие или отсутствие слова в каком-то языке имеет большое значение. Проживая за границей в другой культурной среде, Вежбицкая испытывает беспомощность, когда не может свободно выразить свои мысли, так как в, казалось бы, схожих словах двух языков могут скрываться тонкие нюансы. Как отмечает Ева Хоффман, польско-американская писательница, на слова которой Вежбицкая часто ссылается: «Осознание отсутствия некоторых фрагментов языка немного беспокоит меня, как будто это отсутствие равняется отсутствию мира или мыслей, как будто мир и мысли синхронны с языком» [8, с. 217]. В общем, они не могут найти подходящие слова для выражения своих мыслей.

Конкретно говоря, если слово существует в каком-то языке, значит, люди, говорящие на этом языке, могут мыслить через это слово напрямую. А если слова нет, то люди не могут мыслить через

него прямо, но могут косвенно. Как было сказано выше, в языке Warlpiri нет слова, соответствующего английскому слову «цвет», значит, в их сознании нет такого концепта. Однако в их языке есть концепт «видеть», через который их восприятие и понимание так называемого слова «цвет» осуществляется. Согласно теории Естественного Семантического Метаязыка, 65 семантических примитивов присутствуют во всех языках мира, и все сложные и культурно-специфические понятия интерпретируются через семантические примитивы. Поэтому различия в содержании и образах мышления для Вежбицкой — это различия в способах комбинации семантических примитивов, а на уровне семантических примитивов мышление не различается. Таким образом, с одной стороны, люди, говорящие на Warlpiri, не могут прямо мыслить концепт «цвет», как это делают англоговорящие; с другой стороны, когда концепт «цвет» разлагается на семантические примитивы, люди, говорящие на английском языке, могут понимать его без препятствий.

Противопоставление универсальных и культурно-специфических языковых фактов

С точки зрения лингвистической относительности, чтобы доказать влияние языка на мышление, следует сосредоточиться на более универсальных языковых явлениях, присутствующих в разных языках мира. Как говорит Уорф: «Мы должны признать влияние языка на другие виды деятельности, как культурные, так и личные не столько в особых использованиях языка, сколько в его постоянных способах упорядочивания данных и повседневном анализе явлений» [11, с. 134–135].

Процесс речевого производства может служить таким примером. Универсальность биологического механизма человека определяет универсальность процесса формирования речи. Если мы сможем доказать влияние языка на мышление в процессе речевого производства, это станет аргументом в пользу существования такого влияния. Вопрос, на который мы должны ответить, заключается в следующем: какова роль языка в отношении мышления в процессе речевого производства?

Предположим, что смыслы, которые ещё не облечены в языковые оболочки, не могут считаться мыслями, а мысли, в свою очередь, являются результатом процесса мышления. Когда мы говорим, у нас сначала возникают смыслы — они субъективны, неясны и существуют только в сознании говорящего, оставаясь непонятными для

других. Чтобы эти субъективные смыслы стали понятными для окружающих, говорящему необходимо найти подходящие языковые оболочки, а посредником между смыслами и языковыми оболочками является значение этих оболочек. Как указывает Л. С. Выготский, «значение опосредует мысль на её пути к словесному выражению» [1, с. 314].

Значения этих оболочек устанавливаются языковым сообществом. Для того чтобы выразить свои мысли, говорящий вынужден преобразовать свои субъективные смыслы в объективные значения языковых знаков. Когда мы говорим, что значения объективны, мы подразумеваем, что они понятны всем членам языкового сообщества. Этот процесс можно рассматривать как универсальный для всех народов, говорящих на разных языках. Здесь не затрагиваются конкретные языки, и, если наша гипотеза окажется верной, это станет весомым аргументом в подтверждение влияния языка на мышление.

Отношение между мыслью и языком можно сравнить с отношением между водой и сосудом: вода текучая и не имеет собственной формы, она принимает форму лишь тогда, когда её помещают в определённый сосуд. Без этого сосуда не может существовать определённая форма воды. Однако важно уточнить несколько ключевых моментов. Прежде всего, до появления языка нельзя говорить о настоящем мышлении в полном смысле этого слова. То, что можно назвать «мышлением» до языка, представляет собой скорее интуитивное ощущение или личное восприятие. Вода, находящаяся вне сосуда, действительно сохраняет свои физические свойства, однако она не имеет формы. Аналогично и «мышление» до появления языка — это лишь некая неоформленная субстанция. С появлением языка мышление принимает «форму» — становится организованным и понятным не только индивиду, но и другим людям. Язык играет роль сосуда, который придаёт мышлению форму, делая его определённым и доступным для коммуникации. Таким образом, без языка невозможно существование концептуального мышления, подобно тому, как невозможно говорить о конкретной форме воды без сосуда.

Другим примером может служить тот факт, что каждое слово символизирует класс вещей, действий или признаков. По определению, нарицательные имена существительные называют «предмет по его принадлежности к тому или иному классу», то есть предмет, обозначаемый

словом, рассматривается как носитель признаков, свойственных предметам данного класса [5, с. 460]. На наш взгляд, это тоже универсальный факт, присутствующий во всех языках мира. Вещи не существуют в виде классов, они существуют лишь индивидуально. Однако в любом языке невозможно дать каждой вещи отдельное название. Классы существуют только в языке. Можно сказать, что классификация — это свойство языка, а не физического мира. Когда человек видит дома разных типов и форм, он автоматически игнорирует их дифференцирующие признаки и воспринимает их как одинаковые, называя их просто «дом». Этот процесс происходит на неосознанном уровне, и именно здесь вступает в силу язык. Можно сказать, язык заставляет человека воспринимать дифференцированные вещи как одинаковые, давая им одно общее название.

В этом аспекте «лингвистическая относительность не тождественна сравнительному лингвокультурологическому анализу» [17, с. 178], как указал Цзян Гоуэй, суть сравнительного лингвокультурологического анализа заключается в том, что это «исследование различных форм выражения одной и той же реальности в разных языках» [17, с. 189–190], а лингвистическая относительность изучает влияние языка как универсальной системы (*language*) на мышление, а не влияние конкретного языка (*a language*) на определённое мышление или влияние отдельных языков (*languages*) на отдельные формы мышления. Образно говоря, язык можно представить как призму, а разные языки — как разные призмы, через которые мы видим разные интерпретации реальности. Задача сравнительного лингвокультурологического анализа — показывать различные интерпретации реальности, в то время как задача лингвистической относительности — доказать существование этих призм и показать, что преломлённый через язык мир отличается от объективного физического мира.

Заключение

Относительно влияния языка на мышление сформировались два схожих, но противоречивых лингвистических метода исследования: лингвистическая относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ. Их различия можно обобщить следующим образом.

Во-первых, противопоставление языкового детерминизма и культурной диалектики. Бенджамин Уорф не разделяет язык и мышление, полагая, что без языка мышление невозможно. В его концепции культура занимает периферийное положение, уступая место прямому влиянию языка на когнитивные процессы. В отличие от него, Вежбицкая развивает более сложную модель, в которой универсальные биологические механизмы обработки информации (мозг) сочетаются с культурно обусловленными способами концептуализации. Она подчёркивает, что культура опосредует связь между языком и мышлением.

Во-вторых, противопоставление грамматического и лексико-семантического приоритета. Основное различие между методологиями Уорфа и Вежбицкой заключается в выборе объекта анализа. Уорф акцентирует внимание на грамматических структурах как устойчивых системах, определяющих мировоззрение, считая грамматику базой для универсального влияния языка на мышление. Напротив, Вежбицкая фокусируется на лексико-семантических различиях, отражающих культурные концепты. Она доказывает, что отсутствие конкретного слова в языке ограничивает прямое концептуальное мышление. Для Уорфа язык формирует когнитивные паттерны посредством системных правил, а для Вежбицкой — через наличие или отсутствие лексических единиц, что подчёркивает культурную специфику.

В третьих, противопоставление универсальных и культурно-специфических языковых фактов. Чтобы продемонстрировать влияние языка на мышление, лингвистическая относительность акцентирует внимание на универсальных языковых явлениях; например, процессы речевого производства и символизация категорий предметов посредством слов могут служить наглядным примером. В то же время сравнительный лингвокультурологический анализ исследует культурно специфические формы выражения одной и той же реальности в разных языках, что позволяет учитывать различия конкретных языковых сообществ. Таким образом, лингвистическая относительность изучает язык как универсальную систему (*language*), влияющую на мышление, а лингвокультурологический анализ — как совокупность различий между конкретными языками (*languages*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. 323 с.
2. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М. : Изд-во «НАУКА», 1991. 238 с.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб : Норинт, 2000. 1535 с.
4. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 247 с.
5. Шведова Н. Ю. Русская грамматика Т. 1. М. : Изд-во Наука, 1980. 783 с.
6. Fedorenko E., Piantadosi S.T. & Gibson E.A.F. Language is primarily a tool for communication rather than thought // *Nature*. 2024. Vol. 630, P. 575–586. DOI: 10.1038/s41586-024-07522-w.
7. Goddard C. Whorf meets Wierzbicka: variation and universals in language and thinking. // *Language Sciences*. 2003. № 25. P. 393–432. DOI:10.1016/S0388-0001(03)00002-0.
8. Hoffman E. Lost in translation: A life in a new language. London: Minerva; 1991. 280 p.
9. Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books; 1999. 640 p.
10. Pinker S. The Language Instinct. New York : W. Morrow and Co.; 1994. 352 p.
11. Whorf B. L. Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: THE M.I.T. PRESS; 1956. 278 p.
12. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt : Athenäum Verlag; 1972. 235 p.
13. Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition // *Cognitive Linguistics*. 1990. C. 99–150. DOI:10.1515/cogl.1990.1.1.99.
14. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-Specific Configuration. Oxford : Oxford University Press; 1992. 487 p.
15. Wierzbicka A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications // *Ethos*, 2002. № 30 (4). C. 401–432. DOI:10.1525/eth.2002.30.4.401.
16. Wierzbicka A. Why There Are No ‘Colour Universals’ in Language and Thought // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008. № 2. C. 407–425. DOI:10.1111/J.1467-9655.2008.00509.X.
17. 蒋国辉. 语言和语言相对论(上). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社. 329 页.
18. 蒋国辉. 语言和语言相对论(下). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社. 720 页.

References

1. Vygotsky LS. Myshleniye i rech = Thinking and Speech. Moscow; 1934. 323 p. (In Russ.).
2. Kubryakova ES. Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdeniye rechi = The Human Factor in Language. Language and Speech Generation. Moscow; 1991. 238 p. (In Russ.).
3. Kuznetsov SA. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka = Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg; 2000. 1535 c. (In Russ.).
4. Serebrennikov BA. Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshleniye = The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking. Moscow; 1988. 247 p. (In Russ.).
5. Shvedova NYu. Russkaya grammatika T. 1. = Russian Grammar Vol. 1. Moscow; 1980. 783 p. (In Russ.).
6. Fedorenko E, Piantadosi ST & Gibson EAF. Language is primarily a tool for communication rather than thought. *Nature*. 2024;(630):575-586. DOI: 10.1038/s41586-024-07522-w.
7. Goddard C. Whorf meets Wierzbicka: variation and universals in language and thinking. *Language Sciences*. 2003;(25):393-432. DOI:10.1016/S0388-0001(03)00002-0.
8. Hoffman E. Lost in translation: A life in a new language. London: Minerva, 1991, 280 p.
9. Lakoff G. & Johnson, M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999, 640 p.
10. Pinker S. The Language Instinct. New York: W. Morrow and Co., 1994, 352 p.
11. Whorf BL. Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: THE M. I. T. PRESS, 1956, 278 p.
12. Wierzbicka A. Semantic primes. Frankfurt: Athenäum Verlag, 1972, 235 p.
13. Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*. 1990;(99-150). DOI:10.1515/cogl.1990.1.1.99.

14. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-Specific Configuration*. Oxford: Oxford University Press, 1992, 487 p.
15. Wierzbicka A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications. *Ethos*. 2002; 30(4):401-432. DOI:10.1525/eth.2002.30.4.401.
16. Wierzbicka A. Why There Are No 'Colour Universals' in Language and Thought. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008;(2):407-425. DOI:10.1111/J.1467-9655.2008.00509.X.
17. Jiang Gohui. *Language and Linguistic Relativity*. Vol. 1. Harbin: p. 329. (In Chinese).
18. Jiang Gohui. *Language and Linguistic Relativity*. Vol. 2. Harbin: p. 720. (In Chinese).

Информация об авторе

Хэ Яньян — кандидат филологических наук, старший преподаватель института русского языка.

Information about the author

He Yangyang — Cand. Sci. (Philology), Lecturer of Russian School.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.